

В последующие дни народу, приходившего за парными надписями, стало ещё больше — не только из своей деревни, но и из соседних. Ду Ань принимал подношения до того, что руки уставали, и хоть это были не деньги, пользы от них оказывалось куда больше.

Несколько человек, крайне удивлённые, за ужином решили расспросить Ду Аня. Тот сначала с презрением глянул на Ду Чжунпина:

— Раз уж стал сюцаем, должен держаться как учёный муж. Как тебе в голову пришло торговать, словно заправский купец?

Ду Чжунпина такая оценка не обидела, он лишь настойчивее потребовал объяснений. Ду Ань продолжил:

— Задумка-то у тебя неплоха. С тех пор как мы сюда приехали, только деньги тратим, а дохода никакого. Конечно, хорошо бы подзаработать, но нельзя терять достоинство сюцаю. Подумай сам: коли утратишь этот статус, кто станет воспринимать тебя всерьёз, полуребёнка? Надо найти способ, чтобы всё и красиво было, и выгодно.

Сделав глоток воды, Ду Ань добавил:

— Староста обожает показывать твои подарки — для него это честь. У него народу бывает много, вот слухи и пошли гулять. Парные надписи, в отличие от той картины «Изгнание холода», что ты ему подарил, каждой семье к Новому году нужны, вот люди и потянулись. Под самый праздник кто же придёт с пустыми руками? Так что и лицо цело, и выгода есть, разве не хорошо?

Слушатели остолбенели. Ду Чжунпин же испытал глубокий стыд: как это ему самому в голову не пришло? У Ду Аня и впрямь задатки прожжённого торговца.

К началу Малого Нового года Ду Ань уже скопил изрядное количество муки, пшеницы, сухофруктов вроде арахиса и лесных орехов, яиц, домашней вяленой свинины...

Отлично, ещё немного — и новогодние припасы будут полны.

Тем временем вес Ду Чжунпина в деревне Цинню возрос настолько, что местные жители всю хвастились им перед соседями.

А Ду Ань, похоже, совсем раскрыл свою натуру. Вместе с Чжао Ба он, используя принесённую пшеницу, принялся варить солодовый сахар: отобрали хорошие зёрна, промыли, замочили на день в тёплой воде, потом выложили и стали регулярно поливать тёплой водой. Дня через три уже проклюнулись ростки длиной в полтора вершка. Чжао Ба добавил отборных кукурузных зёрен, грубо их раздробил, вымочил полдня и пропарил. Остывшую массу смешали с измельчёнными ростками, засыпали в мешок для брожения. В конце концов Чжао Ба изрядно попотел, выжимая сок, а Ду Ань выпарил его в котле — и готово.

Ду Чжунпин слегка попробовал — сладость с лёгкой свежей ноткой, на вкус очень даже ничего. Пусть не такой приторный, как тростниковый сахар, что ел раньше, но вполне сойдёт, светло-коричневый цвет тоже аппетитен. Фан Шэн с Чжао Ба прежде редко баловались сладким — на севере сахарный тростник не растёт, да и семья жила небогато, разве что летом на грядках «сладкой соломки» пощипать. Самый же горячий привет новому лакомству оказал, конечно, Цзинь-эр — он даже заявил, что теперь хочет спать с Ду Анем, а не с отцом.

Убедившись, что сахар удался, Ду Ань с Чжао Ба наварили ещё, да и пошли дальше —

обжарили арахис, всыпали в ещё жидкую патоку, перемешали, и Чжао Ба нарезал массу, пока та была горячей. Получилась арахисовая козинака. Часть оставили себе, остальное Чжао Ба снёс на рынок. К Малому Новому году, когда все закупали сладости для подношения богу очага, торговля пошла бойко, и они изрядно заработали.

Крестьяне, конечно, не готовились к празднику так, как знатные семьи, что начинали хлопоты с первого дня последнего месяца зимы, но после двадцать третьего числа ощущение Нового года витало в воздухе всё явственнее.

Деревенский торг становился оживлённее день ото дня. Теперь сюда стекались не только свои, но и жители окрестных деревень за покупками. Некоторые привозили на продажу домашнюю птицу — семья Ду уже обзавелась тремя откормленными курами.

Две семьи условились встречать Новый год вместе, лишь обряды предкам проводили порознь. Поскольку дом Ду только что заселился, в первый год его нельзя было оставлять пустым, потому и решили праздновать у них.

Одна семья прежде жила в большом доме, где шла вечная подковёрная борьба, и не до было праздников, другая же пару лет назад вернулась с войны, и сил на пышные приготовления не оставалось. Да и вдвоём как-то уныло встречать. Теперь же, с новыми людьми, особенно ребёнком, сразу повеселело. Все горели желанием устроить настоящий праздник, так что закупались со старанием.

Поскольку семья Ду впервые совершала здесь жертвоприношение предкам, решили подойти к делу с размахом. Ду Ань и Чжао Ба попросили Второго брата Ли помочь купить свинью и овцу — заколоть их собирались двадцать шестого.

А у других деревенских семей, кто в одиночку, кто объединившись, после двадцать третьего тоже пошла черед забота скота.

По местному обычаю, заколов свинью, приглашали соседей на угощение — «свиную трапезу». Кто не мог съесть целую тушу, заодно и продавал часть мяса. Ду Чжунпин, чей авторитет теперь возрос, тоже получал приглашения. А те семьи, где недавно играли свадьбы, звали и вовсе всех домочадцев Ду.

Ду Ань с Ду Чжунпином прежде не сталкивались с таким обычаем, так что наблюдали с особым интересом — перенимали опыт. Их собственный забой был назначен на двадцать шестое, и гостей полагалось принять по всем правилам.

Главным блюдом здесь была тушёная кислая капуста — её шинковали мелко-мелко, добавляли крупные куски свиной грудки, даже жирной не боялись, и ставили на огонь. Параллельно готовили кровяную колбасу: кишки тщательно промывали, свежую кровь слегка разбавляли водой, подсаливали, заливали в кишки, концы перевязывали верёвкой и опускали в тот же котёл, где тушилась капуста. Это и было основное кушанье.

Кроме того, подавали сердце, печень, лёгкое и прочие мясные блюда. Когда капуста доходила до готовности, жир из мяса уже вытапливался в бульон. Большие куски вынимали и нарезали ломтями. Колбасу тоже вытаскивали и резали — тут требовалось большое искусство: оболочка упругая, а кровь внутри нежная, чуть промахнёшься — развалится. Готовое выкладывали на блюдо, к нему подавали чесночный соус — все его обожали.

Откушав в нескольких домах и убедившись, что меню везде примерно одинаково, они с лёгким сердцем пригласили гостей на своё угощение двадцать шестого числа.

В назначенный день, чтобы не пугать Цзинь-эра, Ду Чжунпина с ребёнком отправили куда подальше на полдня. Ду Чжунпин мог лишь бродить с малышом по чужим дворам, и, подумав, решил, что ближе всех — у старосты. Так они и отправились, взрослый да малый.

Староста как раз выходил к ним. Семья Ду с самого начала относилась к нему с большим почтением, по любому поводу советовалась и неизменно соблюдала все правила, что несказанно тешило его самолюбие перед односельчанами и соседями. Да и когда ему самому требовалось обратиться к молодому сюцаю, тот не строил из себя учёного спесивяку, а сразу соглашался, не чиня препон.

Взять хоть свадьбы нескольких деревенских парней — семья Ду поднялась вся, от мала до велика, помогала несколько дней без единой жалобы, пришлась ему по душе. Да и в праздники всегда присылали что-нибудь подходящее — неважно, дорого или нет, главное, внимание. Та самая «картина изгнания холода», что висела у него на стене, у каждого гостя вызывала похвалу — редкая честь.

Потому староста с женой и относились к делам Ду всей душой. Когда молодой сюцай попросил разрешения распахать заброшенный участок у излучины реки, он без лишних слов согласился, да ещё и за оформление документов взял чисто символическую плату.

Сегодня в доме Ду резали свинью, и хотя приглашали его лишь как гостя, он вышел пораньше — помочь с организацией. Оба Ду с виду были людьми, не привыкшими к деревенскому быту, могли и растеряться в суматохе, осрамиться. Да, пожалуй, стоит потом жену послать — пусть поможет с уборкой.

Размышляя так, староста столкнулся с Ду Чжунпином лицом к лицу. Услышав, что тот хочет укрыть Цзинь-эра от кровавого зрелища, староста тут же повёл их к себе во двор, крикнув жене выйти встретить.

Ду Чжунпин, узнав, что староста идёт помогать, поспешил поблагодарить:

— Мы как раз думали вас попросить, да видели, как вы в эти дни с ног сбиваетесь, вот и решили сами как-нибудь справиться. Теперь с вами у нас точно всё получится.

Старосте слова эти были приятны. Увидев, что жена уже вышла, он наказал ей пару слов и отправился дальше.

Невестка Ван усадила Ду Чжунпина с Цзинь-эром в комнате, торопливо налила воды. Ду Чжунпин бегло огляделся — в доме уже всё было прибрано, опасаться нечего. Успокоившись, он принялся беседовать с хозяйкой.

<http://bllate.org/book/16286/1467479>